

На этот раз Нориэль не был перед обществом совсем беззащитным: благодаря курсу молодого варвара от Малика, Нориэль в рекордные сроки смог влиться в полноценное племенное общество, став важной его частью.

Первое время к эльфу относились с осторожностью, но с каждым днём отношение к нему постепенно менялось. Вероятно, даже без помощи Малика Нориэль смог бы завоевать своё место в чужом социальном механизме, и осознание этого факта радовало как перерождённого духа, так и молодого варвара, который, поддавшись своим амбициям, целиком и полностью погрузился в дела племени, из-за чего всё меньше мог уделять времени социализации терпеливо наблюдавшего за всем ушастого, неприхотливого друга.

В племени Нориэль совсем не скучал. Он постоянно находил чем заняться: мальчишка любил исследовать племя, наблюдать за бытом людей. Вскоре все жители племени привыкли хотя бы раз в день видеть мелькавшую, выделяющуюся на общем фоне, светловолосую фигуру в лёгкой одежде с длинными ушами и глубокими голубыми глазами.

Суровой внешностью природа молодого эльфа, кажется, и не планировала наделять. Возможно, имея Нориэль более... устрашающие внешние данные, и к нему бы относились заметно осторожнее, но тяжело в чём-то подозревать или опасаться мягкого, постоянно улыбающегося миловидного подростка. Как и тяжело подозревать того, кто каждый день, словно тот будильник, на рассвете наполняет всё племя чарующей, волшебной, по-настоящему прекрасной мелодией. Конечно, будь Нориэль в современном обществе, и в него в лучшем случае в глубокую рань от фанатов прилетал вазон в голову, но деловитое племя как раз к тому времени уже поднималось и начинало входить в рабочий режим, из-за чего игра молодого эльфа приходилась очень кстати.

Когда же вокруг племени, во время одной из игр, неожиданно начали появляться фиолетовые цветы, вопреки тому, что на улице всё ещё шёл снег и дул сильный, холодный зимний ветер, фигура улыбчивого подростка начала принимать более... мистические нотки. Чудотворцев на всё племя было всего несколько, совсем не удивительно, что отношение к ним было, мягко говоря, особенным. Ни о какой справедливости и речи не шло — хотел того или нет, а подросток заочно относился к привилегированной, неприкасаемой касте. Всё немного усложнялось тем, что Нориэль был чужаком и, что самое главное, даже не был человеком. К счастью, это компенсировалось тем, что он был ближайшим «приближённым» Малика, чьё влияние увеличивалось с каждым днём всё сильнее и сильнее.

Отдельным способом завоевания всеобщего доверия было то, что мальчишке было интересно то, чем занимались остальные. И бывшему дереву известно, что один из лучших способов завести с кем-то разговор и наладить базовые отношения — спросить у него о чём-то, в чём он хорошо разбирается.

Так, например, мальчишка познакомился с одним лучником, Ясином.

— Интересно? — удивлённо вскинул бровь парень.

Ему было около восемнадцати-девятнадцать лет. По меркам племени — уже взрослый и практически полностью состоявшийся охотник. Средняя продолжительность жизни в племени была где-то тридцать-сорок лет — у мужчин, и тридцать пять-сорок пять — у женщин. До настоящей старости доживали единицы, впоследствии занимая руководящие должности под предводительством вождя.

Чудотворцы немного выбивались из этой системы и доживали до старости намного чаще, как и

имели намного более крепкое здоровье.

И здесь Нориэлю нужно было признать, что никакой справедливости и в теории не было.

— Да, — кивнул с улыбкой Нориэль. — Мне понравился звук.

Ясин нахмурился, после чего опустил взгляд на свой лук.

— Ты имеешь в виду, звук тетивы, длинноухий флейтист?

Статус Нориэля, всё же, был довольно странным. Он был чудотворцем, которого привёл быстро входивший в силу Малик, но при этом выглядел на четырнадцать лет, что ещё немного молодой возраст даже для племени варваров, был чужаком и при этом «нелюдем». Чуть ли не первым дружелюбным на памяти. Какое-то время всем пришлось немного поломать голову на тему того, как к нему обращаться. Нориэль в этом плане был неприхотливым.

Главное, что «ушастым» его осмеливался называть только Малик.

— Скорее всего, — беззаботно пожал плечами Нориэль. — Я могу ещё немного послушать его?

— Ты такой странный, — покачал головой Ясин, улыбнувшись. — Только Малик и мог привести тебя, дивный чудотворец. Если ты хочешь, то я могу даже показать тебе, как стрелять из лука. Потом мои потомки будут рассказывать, как их предок смог чему-то научить чудотворца со странным именем и длинными ушами.

Молодой парень громко рассмеялся, увидев, насколько удивился Нориэль.

Или, учитывая средний возраст жизни в племени, уже не молодой?..

Пожалуй, больше всего любви мальчишка сыскал у женщин. Молодому эльфу было физически больно наблюдать за тем, как грубо они вышивали одежду для охотников. Сначала пусть странному, но мужчине не хотели доверять иглу и нить, однако это до того момента, как они всё-таки не попали в его руки.

После этого мальчишка хотя бы час своей жизни каждый день посвящал тому, чтобы передавать восхищённым женщинам то, чему его научила заботливая Изориэль. Мальчишку искренне поражало то, как быстро люди впитывали новые знания и начинали применять их на практике. Уже совсем скоро все в племени постепенно начали обзаводиться новыми одеждами, намного более аккуратными и менее грубыми. Казалось, довольными в племени ходили вообще все, и особенно — Малик.

У него, в конце концов, ещё и узоры на одежде появились. Чтобы выделить на общем фоне.

Так Нориэль абсолютно спонтанно узнал, что ему приносило удовольствие учить других. Ему понравилось, как люди в самые рекордные сроки добивались огромных успехов и шли дальше, экспериментировали и проявляли творческую жилку, которая и не снилась подростку. Та злостная тропа жизни, по которой он шёл в сотни раз медленнее остальных, могла и принести пользу. Молодой эльф не завидовал. Скорее, наоборот.

Мальчишка в полной мере понял, насколько ценна для цивилизации передача и накопление знаний. Он осознал, что это была, пожалуй, одна из сильнейших черт человечества. От этого он только сильнее не понимал, почему вождь так рьяно защищал свои знания. Почему другие люди из других племён не могли встретиться, обменяться знаниями, взять новый виток

развития и пойти дальше уже вместе.

Нориэль задавался вопросом, было ли это так сложно для человеческого мышления. Подросток всё лучше понимал человеческое общество и мышление, однако этого он никак не мог понять.

Время продолжало потихоньку идти.

Нориэль редко пересекался с нынешним вождём. Казалось, они избегали друг друга. Молодой эльф — из-за страха силы вождя. Вождь — из-за страха природы молодого эльфа. Подобное положение устраивало обе стороны, не вынуждая лишний раз контактировать.

Как ни странно, Малик, незаметно наблюдавший за тем, как приживается его длинноухий друг в поселении, совсем не пытался улучшить отношения Нориэля и нынешнего лидера племени.

Однако, иногда, совсем редко, но встречи происходили. А вместе со встречами — и разговоры. Когда для всех открылся талант Нориэля писать картины, одним поздним вечером вождь послал Ясина найти мальчишку и проводить к нему.

Это была вторая зима Нориэля в племени Слушающих Духов.

— Так вот ты где! — засмеялся громко Ясин. — Что ты забыл на дереве, Нориэль?

Молодой эльф по-настоящему влюбился в медитации. Во многом они стали заменять ему сон. Периодически мальчишка настолько уставал от темпа жизни людей, что просто пропадал на неделю-вторую исключительно для того, чтобы либо отоспаться, либо провести, как ему казалось, немного времени в медитации. Сначала его ещё пытались найти, однако после небольшого разговора с Маликом всё удивительным образом решилось.

Практика показала, что мальчишке было проще жить в темпе людей, когда он всю ночь посвящал столь приятному процессу цикличного обмена энергией с миром.

Всё чаще Нориэль задумывался над тем, что такими темпами он либо однажды просто начнёт отсыпаться за десятерых, либо настолько продвинется в медитациях, что в принципе забудет про ментальную и физическую усталость.

— Я так отдыхаю, — пожал плечами мальчишка, лениво открыв глаза. — Что-то случилось?

До этого в такое время Нориэля никто не звал. Малика в племени тоже не было: он отправился с группой охотников на какую-то вылазку. Обычно варвар брал своего близкого друга с собой, но этот случай был исключением.

Как понял мальчишка, они отправились на встречу с каким-то другим племенем, которое находилось дальше на востоке. Вероятно, наличие «нелюдя» дипломатическую встречу могло слегка усложнить.

В любом случае, это не то, в чём хотел разбираться Нориэль.

Причины конфликтов и междоусобиц кажутся мальчишке самыми странными, непонятными и нелогичными. Люди, кажется, сами частенько не могли объяснить, почему они вообще о чём-то не могут договориться. Чему-чему, а этому учиться у людей Нориэль не хотел.

У него и так в последнее время часто стало возникать чувство... неправильности. Слишком часто.

— Вождь хочет видеть тебя. Он ждёт в шатре. Сказал тебя провести.

Сердце Нориэля пропустило удар.

— Я понял. Спасибо, Ясин. Не нужно провожать, я сам приду.

— Пустяки. Как скажешь, Нориэль, — хмыкнул охотник, отправившись к себе домой.

Не так давно у него родился сын.

Мальчишка проводил парня (или уже мужчину?) взглядом, понимая, что тот, кто ему показал, как стрелять из лука, потихоньку менялся: на лице появилось несколько небольших шрамов, кожа стала грубее, взгляд — мудрее и тяжелее, сам он стал ещё чуть выше и мускулистее. Охотник племени проходил далеко не такие же трансформации, как и Малик, что возвышался над молодым эльфом уже на целых две головы, но...

Разница уже была очевидна.

И, кажется, все стали потихоньку замечать, что один голубоглазый длинноухий блондин как был подростком — так им и оставался. В отличие от остальных, он вообще не менялся. Ни поведением, ни внешне.

— И что ему нужно? — прошептал мальчишка.

Духи воинственно ударили потоком воздуха ему в лицо, пообещав дать поработорителю бой.

Кажется, довольно мирные духи природы учились местным нормам как бы не быстрее молодого эльфа.

В отличие от первого раза, Нориэль уже намного спокойнее заходил в шатер вождя. Он был слегка больше остальных шатров, всё в нём было устроено максимально практично, пусть и заметно богаче, чем у остальных. Под ногами были тёплые шкуры многочисленных животных, повсюду были расставлены свечи, освещая весь шатер; всё пространство было обвешано различными ловцами снов, из которых ежесекундно пытались вырваться бесчисленные мелкие духи, нервируя этим как Нориэля, так и духов природы вокруг него.

Впрочем, опять же, уже не так сильно.

«Подождите ещё немного. Малик вас обязательно освободит».

В шатре был не только вождь, но и его дочь — Иси. У девушки сквозь одежду уже начинал потихоньку проглядываться выросший животик. Она была беременна, и не нужно было уточнять, кто был отцом. Нориэль по одному взгляду на девушку мог сказать, насколько она была счастлива.

Чего нельзя было сказать про вождя. В его взгляде читалось принятие и плохо скрываемая боль. Возможно, даже ярость. Бессильная.

— Я видел недавно твои картины, существо, — заговорил после недолгого молчания мужчина, подняв взгляд на Нориэля. — Ты можешь запечатлеть нас вдвоём?

Мужчина кивнул на обработанную чистую шкуру какого-то животного, рядом с которой лежали различные краски. Намного более качественные и долговечные, чем те, что делал Нориэль в Лесу.

Вождь был единственным, кто не называл Нориэля «чудотворцем», «длинноухим», «нелюдем» или кем-либо ещё. Просто существо. Молодой эльф знал, что предки вождя, как и он, как и его дочь обладали достаточно особым восприятием, из-за чего тоньше чувствовали то, чего не чувствовали другие. В этом было их чудо.

Из-за этого наладить контакт с Иси у мальчишки так и не получилось, и это учитывая, что Малик периодически пытался их сдружить. В отличие от своего родителя, Иси Нориэля совсем не боялась. Вместо этого, как казалось молодому эльфу, почитала и просто не позволяла себе быть слишком неформальной и свободной перед улыбчивым подростком.

Нориэль не понимал такого отношения, но и не пытался противиться. Просто не видел смысла.

— Могу, — кивнул легко мальчишка. — Почему именно сейчас? Вы можете дожидаться возвращения Ма...

Взгляд вождя потяжелел. Иси опустила голову, будто пытаясь показать, что её здесь не было и вождь мог говорить всё, что хочет.

— Портретов этого чудовища ты создашь в будущем ещё много. Я же хочу увидеть портрет себя и своей единственной дочери. Только нас вдвоём и никого больше.

Нориэль на миг застыл, после чего кивнул. Это была не сложная просьба для него. Пусть он и безумно любил флейту и собирался разнести её звучание на весь мир, как этого и хотела Айша, флейта оставалась лишь продолжением его чуда, а не самим чудом. Чудо же он мог вложить в любое дело, которым занимался.

Возможно, поэтому оно и захватило его душу.

Нориэлю не потребовалось много времени, чтобы написать портрет. Не имея в Лесу таких удобных инструментов, мальчишке не потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к комфортной работе с нормальными кистями. Вероятно, тот, кто научил мальчишку живописи, Гилориэль, был бы очень счастлив прикоснуться к тому, что уже изобрело человечество.

Кисть Нориэля двигалась по холсту из кожи настолько плавно, легко и естественно, что любому было бы очевидно, что обычный подросток на это физически не был способен. Нориэлю не нужны были эскизы, не нужно было, чтобы отец и дочь как-то по-особенному стояли. Он просто увидел нужный ракурс, запечатлел его в памяти, мысленно добавил и изменил некоторые детали, после чего, сохраняя в голове нужный образ, принялся его воплощать.

Слишком долго он занимался этим в Лесу. И слишком, как ему казалось, быстро ему это наскучило. Лишь очередное мелкое увлечение.

Чудо вызывало в нём совсем другие эмоции.

Когда портрет был закончен, мальчишка предоставил его удивлённому вождю и его дочери. Мужчина и так ожидал, что увидит что-то особенное, но это всё равно не помешало ему тупо уставиться на результат довольно ленивой работы эльфа, глухо засмеявшись.

В портрет было вплетено немного чуда мальчишки, из-за чего могло на миг показаться, что изображения дочери, что скоро станет матерью, и вождя, были живые. Они не двигались, никаких особых спецэффектов не было — чудо Нориэля, в конце концов, было в другом. Отец и дочь просто улыбались, смотря с холста прямиком в глаза любого, кто хотел на них взглянуть. Пытался мужчина отойти или зайти с другого ракурса — ему всегда казалось, будто портрет смотрит прямо на него.

Улыбки отца и дочери были мягкими, спокойными. Тёплые тона ночного шатра на портрете воплощали домашний уют и семейную идиллию, которая никогда даже не существовала. От портрета шёл слабый запах каких-то листьев и трав, будто картина долгое время пролежала среди пахнущих цветов и деревьев, воплощавших собой природу.

— Чудо... — прошептала Иси, не сдержав слёз на глазах. — Великий Дух, мы безумно благодарны вам!

Девушка, фанатично смотря в глаза удивлённого Нориэля, который и не планировал создавать никакого «чуда», положила руку сначала к животу, потом — к сердцу, а после — ко лбу, напоследок глубоко поклонившись.

Вождь не стал останавливать дочь, протяжно вздохнув.

— Иси, выйди на минуту.

Девушка, удивлённо ойкнув, вытирая проступившие слёзы, кивнув, укутавшись в побольше шкур, быстро вышла из шатра, оставив вождя и Нориэля наедине.

— У меня к тебе просьба, существо.

Нориэль заинтересовано наклонил голову.

— Какая?

— Когда я по воле случая, — на лице мужчины появилась кривая ухмылка, — как и мой сын, отправлюсь к духам предков, не рассказывай потомкам или кому-либо ещё о том, кем был Малик. Я уверен, что он приведёт все западные земли и особенно наше племя к будущему, о котором ни один из вождей и мечтать не мог, и не могу допустить, чтобы все узнали про его истинную природу. Его образ, который он так усердно вокруг себя выстраивает, должен сохраниться, несмотря ни на что. В обмен я передам тебе все знания, что накапливали мои предки.

Сердце Нориэля вновь пропустило удар. Он было открыл рот, чтобы что-то ответить, но так и не ответил.

Через несколько же дней Малик вернулся. Не в полном составе, раненный, но, как показалось мальчишке, удивительно довольный.

Варвар вернулся, чтобы объявить о начале войны с соседним племенем.

И, как впоследствии понял наблюдавший за всем молодой эльф, война далеко не только с одним племенем.

Вскоре все западные племена погрузятся в кровавую бойню. И лишь единицы будут знать о том, кто главный виновник этого.

Впоследствии же — останется лишь один, кто будет знать и помнить.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3223233>